

Александр Ф. Филиппов
Советская социология как полицейская наука

I

Эта статья возникла в результате стечения обстоятельств, позволивших мне возобновить работу над старой темой с новых позиций. Немногим менее четверти века назад я собирался написать книгу о советской социологии, небольшую и преимущественно теоретическую, посвященную разбору некоторых дискуссий, актуальных тогда для нашей науки. Книга не получилась, а статья, вышедшая в 1993 году, отразила состояние умов, еще не остывших после перестройки, и мои собственные попытки понять происходящее в терминах распада империи¹. Самым главным результатом работы я считал идентификацию советской социологии как имперской, т.е. принципиально соотносящей все свои высказывания с тем большим политическим пространством, которым были Советский Союз и его союзники². Я держусь этой точки зрения и до сих пор. Однако тогда я не сумел увидеть самое главное: функциональное место советской социологии. Без этого постановки проблем, исследования и дискуссии оказывались совершенно непонятными. Разумеется, в социологии была идеологическая составляющая, а полностью разделить идеологию и собственно исследовательскую работу очень трудно, если вообще возможно. Но работы советских социологов отнюдь не сводились к повторению и уточнению формул, придуманных профессиональными идеологами, да и создавать социологию, развивать ее только для того, чтобы получать на выходе ту же самую идеологическую продукцию, было бы бессмысленным предприятием. Несмотря на то что угроза включить социологию в сугубо идеологическое производство существовала всегда, она занимала важное место в конструкции экспертного знания советской эпохи. Социология в СССР сформировалась под влиянием мировой и постоянно испытывала ее влияние³. Разобраться в ее устройстве значит отчасти лучше понять Советский Союз того времени, но и наоборот: не понимая, что собой представлял СССР в последние десятилетия своего существования, трудно понять его социологию.

Советская социология, строго говоря, никуда не исчезла и до сих пор. Живы и, к счастью, продолжают писать многие из тех, кто создавал ее полвека назад, не говоря уже о следующих поколениях. В первую очередь благодаря этому в ретроспективных описаниях ее истории господствует (хотя и не является единственным) нарратив «борьбы ученых во имя науки против идеологического контроля». Несмотря на то что каждое такое описание заслуживает анализа и уточнений, опровержение или дискредитация этого нарратива были бы делом неблагодарным. Вопрос должен ставиться иначе. Не в том дело, сколько науки

было в советской социологии, *что* она смогла отвоевать как область свободы от идеологической бюрократии. Дело в том, *что это была за наука*, так или иначе нашедшая свое место в системе общественных наук СССР. Конечно, такая постановка вопроса заведомо предполагает, что речь идет о некотором единстве, а этот тезис сам по себе был бы не бесспорен. Однако столь масштабная задача здесь и не ставится. Речь идет лишь о том, чтобы расширить горизонт тематизации *самоописаний* советской социологии, показать в новом свете давно известное и путем не испробованных ранее аналогий и сравнений подойти к обретению новых возможностей интерпретации.

Мне кажется осмысленным провести аналогию между советской социологией и *полицейской наукой* в том особом понимании, смысл которого будет раскрыт ниже. Это касается и ее функционального места, и отношения к другим обществоведческим дисциплинам, и, что очень важно, самопонимания, которое было свойственно, конечно, далеко не всем, но весьма многим ее представителям. Сразу хочу заметить, что в понятие «полицейская наука» я не вкладываю никаких оценочных характеристик. В данном случае «полицейская наука» — это управленчески-экспертная система полицейского государства. Понятие полицейского государства, конечно, тоже нуждается в уточнении и предварительно определяется как система бюрократического управления, использующая монопольное право на насилие для осуществления административных решений, нацеленных на достижение блага и основанных на оценке ситуации и объективной необходимости, а не на длительной, опосредованной правилами и правом процедуре с неопределенным результатом. СССР последних десятилетий своего существования более всего напоминает в этом смысле полицейское государство, а идея научного управления — полицейскую науку. Социология и является одной из таких полицейских наук. Борьба за признание социологии в советские времена — это борьба не только с идеологией, но и с другими управленческими дисциплинами за место в системе экспертного знания.

II

Это основное положение я хотел бы представить в виде нескольких простых тезисов, положенных в основу статьи. Я попытаюсь развить и частично проиллюстрировать их, однако ими не исчерпывается то, что в этой связи можно было бы сказать о предмете. Иллюстрации суть не более чем иллюстрации, частные примеры, которые могут быть умножены, но которым — я отдаю себе в этом отчет — могут быть противопоставлены другие примеры. Речь идет о возможном, но не единственно возможном способе интерпретации одного и того же материала. Тезисы эти таковы.

1. Советский Союз на том отрезке его истории, когда была институционализована и развивалась социология, был полицейским государством. Точнее было бы назвать его социально-полицейским, однако этот последний термин не

конвенциональный, я буду использовать его лишь время от времени, для более точного выражения некоторых мыслей.

2. Как государство Советский Союз был континентальной империей, т.е. большим политическим пространством, смысл которого, как фон и горизонт, в более или менее явной форме присутствовал во всех действиях и коммуникациях, совершавшихся на его территории.

3. В течение нескольких десятилетий Советский Союз был *тоталитарным* режимом, и хотя родовые черты тотального господства сохранялись в его устройстве до самого конца, появление социологии как науки практически совпало по времени с его трансформацией⁴, заключавшейся в изменении форм, способов и объемов контроля.

4. Социология была задумана как *полезная*. Она была нужна для того, чтобы обеспечить на деле декларируемое идеологами научное управление обществом. Однако стиль социологии как науки по большей части мог быть только импортирован.

5. Социология была нужна как эмпирическая наука, но эмпирическое неотделимо от постановки исследовательской задачи, а исследовательские задачи формулируются на языке, который обоснован далеко не эмпирически и может быть в некоторых (но не всех) отношениях плохо совместим с языком господствующей идеологии, обладающим своей внутренней консистентностью.

6. В самом общем виде то решение относительно позиции социологии в советском обществе, которое не просто было навязано сверху, но получено в результате далеко не однонаправленных усилий бюрократов, идеологов и обществоведов, можно охарактеризовать в двух словах как «полицейскую науку».

7. «Полицейская наука» — это не уничижительная характеристика. Речь идет отнюдь не об оправдании или техническом совершенствовании политического контроля, политической полиции и т.п. *Такая* — «тайно-полицейская» — социология в СССР тоже существовала, но ее история — отдельная тема. Мы же будем говорить о том, что дают нам аналогии между социологией и той дисциплиной (или группой дисциплин), которая возникла некогда в Европе как область наук об управлении страной, находящейся под централизованным господством, не опирающимся на правовые процедуры как свой основной принцип⁵.

8. Уподобление социологии полицейской науке не означает *отсталости*. Скорее речь может идти об очень сложном процессе, в ходе которого некоторые старые и кажущиеся изжитыми феномены обретают не только новую жизнь, но и новый вид, какого они не могли бы иметь в прошлом.

9. Социология в СССР не была однородной и не была все время одной и той же. Тезис о том, что она была полицейской наукой, поневоле огрубляет ситуацию. Разумеется, это высказывание имеет смысл лишь применительно к институционализированной социологии, однако к борьбе школ внутри нее оно не имеет никакого отношения. Все остальное надо доказывать через анализ документов, с самого начала не исключая, что часть из них будет свидетельствовать не в пользу, а против выдвинутой гипотезы.

Я начну с самой сжатой характеристики полицейской науки и сопоставления ее с социологией на разных этапах существования последней. Затем я приведу несколько положений из работ советских социологов, которые могут подтвердить мою точку зрения. Более доказательное и подробное развитие ее я оставляю для последующих, обширных работ.

III

История полиции столь же стара, как история государства. Это суждение может показаться очевидным, но очевидность обманчива, а суждение двусмысленно. Политические образования разного рода, которые мы привычно именуем государствами, действительно существуют издавна, но государство в современном понимании — феномен не столь уж древний. То же самое относится и к полиции. Одно дело — те или иные средства принуждения к порядку, другое — регулярные полицейские силы. Первые известны с древности, вторые относительно новы. Дополнительную путаницу может внести еще и то, что слово «полиция» появляется раньше, чем возникают эти регулярные силы, но при этом означает оно не столько органы государственного принуждения, сколько сам порядок как таковой, причем взятый во всей совокупности, как строй социальной жизни. В последние тридцать лет благодаря многочисленным исследованиям, посвященным полиции⁶, старое немецкое выражение для обозначения такого строя «*gute Ordnung und Policey*» — «добрый порядок и полиция» — стало широко известным, а выдержки из документов, относящих к полиции общественную гигиену и добронравие, мало-помалу теряют свою экзотичность даже в глазах широкого круга читателей⁷. Наверное, в нашей стране и специальных разысканий не требовалось, чтобы вспомнить русскую историю. Изданный Екатериной Второй «Устав благочиния, или полицейский» называется так потому, что в светском (нецерковном) смысле слова *благочиние (полиция)* как раз и есть тот самый «добрый порядок».

В это время в самом распространенном понимании полиция все еще остается скорее синонимом совокупного управления социальной жизнью, чем названием одних только регулярных сил принуждения и охраны порядка, новейшую историю которых принято отсчитывать с конца XVII века.

Полиция в старых немецких государствах означала прежде всего помощь; а для осуществления на деле этой помощи — прежде всего в эпоху после Тридцатилетней войны, когда началось становление современной политики, — не было нужды вообще ни в каком принуждении. Кроме того, не следует упускать из виду этический характер заботы о благополучии и в политической теории просвещенного абсолютизма. <...> Как «принуждение» полиция выступает лишь на фоне автономии индивида и ставшего совершенно самостоятельным гражданского общества.⁸

Притом именно в XVII—XVIII веках получает развитие *наука о полиции* или *наука полиции*, целью которой является отыскание наилучших средств для государственного управления хозяйственной и моральной областями жизни ради всеобщего блага. Она, писал знаменитый немецкий полицейист фон Юсти, «состоит в познании того, как из наличного состояния общественной жизни (*gemeinen Wesens*) вывести разумные меры для сохранения и приумножения совокупного достояния государства в его внутренней конституции, а также делать оное достояние как в целом, так и в отдельных частях его все более пригодным и полезным для счастья и благоденствия общественного»⁹. Хорошая, счастливая жизнь отдельного человека немислима без хорошей, счастливой жизни сообщества, а полиция блюдет в первую очередь нравственное состояние подданных, а затем уже заботится об их гражданском состоянии (способности подданных быть полезными членами общества) и о предотвращении несправедливости и злобы¹⁰. Юсти «пропагандирует набор государственных мероприятий, центр тяжести которых смещается с набора запретов в старых полицейских порядках к комбинации стимулирования, поддержки и гарантий безопасности»¹¹. В общем, как говорил М. Фуко, суммируя свои впечатления от трактатов о полицейской науке, речь идет о *безграничной регуляции поведения подданных*, именно в этом суть полицейского управления¹².

Задача способствовать устроению общественной жизни для приумножения достояния государства и всеобщего счастья формулировалась в контексте *камерализма* — скорее комплекса прикладных дисциплин, нежели отдельной науки, — который в ретроспективе иногда слишком узко рассматривается как сугубо экономический¹³. В Германии камерализм и полицейская наука составляли единую полицейски-камералистскую программу¹⁴. Несомненно, камералисты плотно занимались экономическими вопросами, но только в связи с вопросами более общего характера. Вот, например, несколько пунктов из программы раннего немецкого камералиста Ф.Л. фон Зеккендорфа, который предлагал, чтобы подданные не испытывали нужды ни в чем жизненно необходимом, уделять внимание: 1) фундаментальному обеспечению, под которым он понимал воспитание молодежи; 2) производству жизненно необходимых продуктов; 3) равномерной поддержке всякого рода простых занятий, например поденной работы; 4) регуляции цен, отмене ростовщичества, упорядочению мер и весов; 5) регулированию расходов на празднества и наряды; 6) ограничениям на пользование

иностранными товарами вроде одежды и пищи; 7) борьбе с паразитическими группами: игроками, фокусниками, мошенниками; 8) справедливому управлению доходной собственностью общин¹⁵. Добрые намерения, добрые нравы, содействие верховной власти в установлении «хорошей полиции» через соответствующие законы и учреждения — характерные черты камералистского проекта, инициаторы которого предлагали разные способы централизованной социально-экономической и нравственной регуляции в своих землях. Достижение общего блага через благо отдельных элементов общества, ориентация на особый характер отдельных общественных групп, координация действий этих групп — вот что находится в центре внимания.

Не теоретический, но практический характер полицейской науки не означал отсутствия амбиций. Однако и амбиции были практического свойства. Камералисты обещали успехи и процветание. В конце концов отсутствие того и другого стало слишком заметным! Камералистский проект провалился, а идеология полицейского государства уступила место идеологии государства правового. Между тем развитие социального знания шло своим чередом. Полицистика, даже та, что сохранилась после краха камерализма, отступила на задний план. В разных странах судьба ее сложилась по-разному. Россия первоначально ориентировалась на европейские образцы, по большей части французские и немецкие. Во Франции век полицейской науки оказался короче, чем в Германии, но и в Германии она полностью выдохлась к середине XIX века (на чем история, правда, не кончается)¹⁶. Причины этого разнообразны и лежат по большей части не в научной плоскости. Полицейская наука не выполнила главного обещания. Ведь она ориентирована не на получение нового знания как такового, а на выработку методов эффективного управления. Но в части экономической бюрократическое управление со стороны центральной власти уже было сильно дискредитировано, а то, что мы бы назвали социальным управлением, превратилось в полицейский контроль в смысле принуждения и репрессии. Насущной полицейской задачей оказалось противостояние революциям, а гармонизация отношений между устойчивыми, унаследованными с давних времен группами общества была признана совершенно неактуальной. Полиция перестала быть способом попечения и заботы и сделалась исключительно полицией безопасности, в том числе и политической. К этому времени интерес к ней в Европе был исчерпан, а вниманием просвещенной публики завладели новые интеллектуальные предприятия, одним из которых стала социология.

Социология исторически представляет собой проект, совершенно отличный от полицейской науки и прямо не связанный ни с ней, ни даже с ее критикой. Социология — это новое *теоретическое знание*, автономное от политической практики. Она предлагается как новая наука об обществе, иначе говоря, все прежнее объявлено ненаучным, донаучным. Во Франции она формируется (в противоположность социализму, предполагавшему революционное преобразование мира) как способ соединения порядка и прогресса на основании знания, которое позволяет видеть, чтобы предвидеть¹⁷. Она полезна, но пользу приносит лишь постольку, поскольку преследует теоретические цели. В Германии на смену

полицейской науке приходит теоретическое «государствоведение» (Staatslehre), также противостоящее французскому социализму. Социология в точном смысле в Германии появляется сравнительно поздно, бюрократы ее путают с социализмом, учение о государстве считается достаточным для разумного бюрократического управления. Так же обстоят дела и в России — с той только разницей, что все там идет с некоторым временным запозданием, а после Октябрьской революции, по мере укрепления нового государства, шансов у социологии остается все меньше.

После 1933 года Германию за рубежом, особенно в либеральных Великобритании и США, все чаще стали называть полицейским государством. Это же слово еще до того, как была придумана концепция тоталитаризма, прилепилось и к Советскому Союзу¹⁸. В либеральном мире почти совершенно забыли о полицейской науке и о самом изначальном смысле полицейского государства. Социология, как считалось, была не нужна и даже вредна для полицейского государства. В самом деле, социология представляла собой инстанцию истинного знания относительно устройства социальной жизни. Для тоталитарных режимов это было в принципе неприемлемо, причем в случае СССР это усугублялось тем обстоятельством, что высшие инстанции власти и научного знания совпадали по определению. Таким образом, социология как отдельная от официальной идеологии наука просто не могла существовать. Знание же было одновременно и фундаментальным (знанием о том, как на самом деле все устроено), и технологичным (как всем этим управлять, чтобы получать необходимый эффект). Разумеется, весь тот огромный блок полицейского контроля, без которого немислимо тоталитарное устройство, не мог быть публично описан и обоснован в «научной идеологии»¹⁹. Даже после начала размыывания тоталитаризма и до самого завершения советской истории он оставался тайной технологией власти, *arsanum imperii*, умолчание о котором бросало тень на все обществоведческие дисциплины. Однако и прочие части социального устройства не нуждались в публичном (доступном дискуссии и критике) описании, сколько-нибудь напоминающем язык конвенциональной социологии как академической дисциплины западных стран. Эти описания, в свою очередь, не были нужны, потому что социальная реальность считалась пластичной, поддающейся в любой момент целенаправленному действию с предсказуемым результатом. Со времен Вико было известно, что мы лучше всего знаем то, что создаем. Создавая и пересоздавая все с нуля и обращая созданное в ничто, тоталитарная власть, по идее, не оставляла пространства тому, что невозможно пересоздать и, таким образом, познать в полной мере.

IV

Все это вещи хорошо известные, и тем более важно видеть, что произошло, когда социология в СССР все-таки появилась. Социология 1970-х годов — это продолжение и развитие 60-х, в некотором роде (что обусловлено как внешними, так и внутренними обстоятельствами) завершение тенденций, которые в 60-е были только намечены.

Начнем с очевидного. Размывание, трансформация контроля в более мягкие формы с середины 50-х годов в СССР приводит — и не может не привести — к появлению множества все более неподконтрольных, непредсказуемых событий. Это и появление нового рода мотивов, точнее говоря, изменение самого *словаря мотивов*²⁰, и увеличение горизонтальной мобильности, немислимой в прежние годы, и многое другое в том же роде. Отказаться от ключевой идеи, что социальная реальность при коммунизме имеет целиком научно сконструированный и потому вполне прозрачный для конструкторов характер, было, разумеется, идеологически невозможно, но и потребность в знании о происходящем необходимо было учитывать. Помимо разного рода ухищрений, представляющих в историческом плане большой интерес, но выводящих нас за пределы нашей темы, были предприняты также усилия по встраиванию принципиально эмпирической по характеру социологии в систему марксистской идеологии.

Один из выходов был найден в знаменитой трехчастной схеме, с большим или меньшим успехом просуществовавшей в социологии до конца советской власти и ставшей предметом длительных, хотя и не всегда продуктивных дискуссий. То, что эти дискуссии (время от времени прерывавшиеся утверждениями разных начальников о том, что вопрос давно решен и не нуждается в обсуждениях) постоянно возобновлялись, имеет, конечно, характер симптоматический. Просуществовавшее несколько десятилетий сочетание советского истмата с импортированной социологией требовало все новых усилий для сохранения его в виде содержательного, а не просто декларированного единства. Трехчленная схема скорее не была придумана целиком на месте, но перекочевала к нам из западной социологии. Роберт Мертон еще в конце 40-х годов предложил сосредоточить основное внимание социологов не на общей теории, а на теориях «middle range». В те годы их начали у нас называть «теориями среднего значения», потом — «среднего ранга», а затем уже окончательно устоялось название «теории среднего уровня». Применительно к отечественной социологии часто говорили также о «специальных социологических теориях», но, в общем, существа дела это не меняло²¹. Было известно, что западным (буржуазным) ученым можно, как писал Ленин, доверять в специальных вопросах, но нельзя верить ни единому слову в общих. Но как раз специальные вопросы и рассматривались теориями среднего уровня! Это помогало решить часть вопросов импорта науки. Считалось, что есть высший этаж социологического знания — общая теория. Ниже располагаются специальные социологии — вроде социологии труда, науки, свободного времени и т.п. Еще ниже — «эмпирические», или «прикладные», социологические исследования. На раннем этапе существования социологии в ходу было также понятие «конкретного исследования», и даже институт Академии наук, созданный в 1968 году, назывался Институтом конкретных социальных исследований (ИКСИ). Долгие споры о том, называть ли «конкретные исследования» социологическими или социальными, сводить ли конкретное к эмпирическому, не опасно ли намекать на абстрактный характер прочих исследований, заслуживают здесь не более чем беглого упоминания.

Задавая границы и формулируя задачи социологии, один из ведущих идеологов, академик АН СССР Ф.В. Константинов, в 1962 году вошедший в состав исполкома Международной социологической ассоциации, писал: «Конкретные социологические исследования означают творческое применение марксизма как метода познания и объяснения новых социальных явлений и процессов, структуры и механизма действия законов общественного развития»²². Именно исторический материализм был объявлен общей социологической теорией, что можно было, конечно, интерпретировать по-разному. В более благоприятных для науки случаях речь могла идти о том, что (марксистско-ленинская) социология едина, и ученый, занимающийся работой с данными эмпирических исследований, в принципе, может дойти до высших уровней социального знания и внести свой вклад чуть ли не в исторический материализм. В менее благоприятных — о том, чтобы ставить интерпретацию социологических данных под контроль философов, хранителей истины истмата.

В период становления советской социологии позиции были оформлены по-другому, не менее резко, но в каком-то смысле более рационально. Вот что говорил один из интеллектуальных лидеров тогдашней социологии Ю.А. Левада: «Попытки "пристегнуть" эмпирические исследования общества к ряду данных, полученных иначе, — в рамках передовой исторической науки или передовой философии, или, в частности, социальной философии, — всегда оказываются чем-то искусственным и неудачным»²³. Здесь, конечно, следует обратить внимание на слова «передовая философия» и «социальная философия». Левада обособлял социологию от той социальной философии, которая официально признавалась в СССР высшим этажом социального знания. Дальнейший ход его мысли подтверждает это: «как и всякая эмпирическая, опытная, конкретная наука, социология имеет и свою теорию, строит свои гипотезы, в том числе и весьма абстрактные схемы (теперь говорят — модели) для изображения определенных сторон общественных процессов. Эта теория непосредственно опирается на систематическое наблюдение и эксперимент, проверяется ими, поэтому мы можем сказать, что это — эмпирическая теория»²⁴. Теория чего? Можно было бы предполагать, что речь идет о частной теории, основанной на систематических наблюдениях одной из сторон общественной жизни. Однако это не так: «В отличие от других общественных наук, социология рассматривает не отдельную сферу деятельности общества, а нечто более целостное: общественную жизнь как систему отношений и отдельные сферы как части этой структуры»²⁵. Это значит, что социология — с одной стороны, автономная эмпирическая наука, а с другой — единственная наука, предметом которой может быть общество в целом, а не отдельные его сферы. Социологические теории отдельных областей социальной жизни не отменяют того, что и высший этаж социологического знания занят теорией, построенной на тех же принципах, что и теории среднего уровня. Эта точка зрения была несовместимой с официальной трактовкой трехуровневой схемы.

Академик П.Н. Федосеев, с середины 60-х годов (с перерывом на несколько лет) куратор всех социальных и гуманитарных наук страны в ранге вице-президента АН СССР, практически одновременно с «Лекциями» Левады писал:

Мне представляется, что исторический материализм составляет теоретическое содержание социологии. Нет и не может быть социологии вне или над историческим материализмом. <...> Исторический материализм представляет общую теорию общественного процесса, определяющую основное направление социальных преобразований, а конкретные социологические исследования являются теми прикладными знаниями, через которые общая теория воздействует на практику и рекомендации которых непосредственно используются в повседневной практической деятельности²⁶.

Разумеется, между ученым и высокопоставленным аппаратчиком не могло быть собственно научной дискуссии. Характерной особенностью ситуации было и то, что постоянно маячило на горизонте как реальная возможность: *ultima ratio* идеологов были не аргументы, а насилие²⁷. Однако даже вне всякой возможной дискуссии все высказывания о структуре социологии принадлежали тем не менее к одному дискурсивному порядку. Вопрос, как обращаться с фактами, которые могут быть — в принципе — столь упрямы, что опрокинут самую продвинутую теорию, основанную на «единственно верном» учении, должен был найти какое-то разрешение. «Опыт многих социологических исследований показывает, — писал один из отцов-основателей советской социологии Г.В. Осипов, — что, как бы ни была совершенна их методика, они оказываются безрезультатными и бесплодными, не имеют научного значения именно в силу пренебрежения общей теорией социального развития»²⁸. Эти слова необходимо читать правильно, не столько в контексте мировых дискуссий о теории и эмпирии, сколько в контексте непрекращающейся борьбы за социологию²⁹. Признание социологической теории принципиально эмпирической, признание теории самостоятельной и первенствующей по отношению к фактам, утверждение социологической теории как теории социального развития позволяют примерно реконструировать точку зрения, согласно которой социологи, в общем, не отказывались от участия в идеологической работе, сосредоточивали внимание на тех областях истмата, которые допускали большую свободу толкования, а самое главное — позволяли формулировать теоретические основания эмпирических исследований. Поэтому формулы «Рабочей книги социолога», подготовленной в середине 70-х годов, звучат не просто догматически, но далеко не безобидно именно для социологов-эмпириков:

Представляя собой общую социологическую теорию, исторический материализм вместе с тем является методологией социального познания вообще, конкретного социологического исследования — в частности. <...> Теория научного коммунизма <...> есть незыблемая теоретическая основа социологических исследований любых явлений, процессов и сфер жизнедеятельности социалистического общества³⁰.

Но что двигало социологами, кроме естественной для человека жажды познания? Обоснование необходимости социологии в их трудах представляет для нас особый интерес — именно здесь, как мне кажется, находится «исток и тайна советской социологии». Авторы некогда знаменитой, хотя и «спрятанной» под нарочито скромным названием книги пишут:

Конкретные социологические исследования имеют не только теоретическое, но и непосредственно практическое значение, так как они способны внести полезные коррективы в различные сферы коммунистического строительства и тем самым ускорить темп общественного развития в целом. Но эти исследования могут иметь практическое значение лишь в том случае, если они основываются на правильной методологии и научно разработанной методике³¹.

Очевидно, что здесь декларируется нечто большее, чем просто намерения. Речь идет о том, что в реальности совершается некое развитие, что знание о развитии должно быть получено особым методом и что на основе этого знания в самое развитие могут быть внесены коррективы. Но что еще есть в реальности, кроме развития? *События и ситуации*, говорят авторы³². «Во взаимодействии с общей волей, действующей при социализме по единому плану, воли отдельных людей не оказываются равными нулю. Каждая воля участвует в формировании исторических событий»³³. Ситуации могут складываться позитивно или негативно, и даже в «нашей жизни» бывают иногда конфликтные ситуации. Однако «для социалистического общества особенно характерно образование ситуаций положительного характера, в которых гармонически взаимодействует материальное и духовное, общественное и личное. Это прямой результат сознательного воздействия людей на развитие исторического процесса»³⁴.

Хорошим дополнением к этим рассуждениям может служить другой важный текст — написанное Г.В. Осиповым предисловие к переводной книге «Социология сегодня: Проблемы и перспективы»³⁵. Такие тексты сегодня надо уметь читать. Они совсем не про то, как плоха западная социология по сравнению с марксизмом. Они — про наши проблемы и наши задачи, только сформулировано все очень иносказательно и деликатно. Речь идет, конечно, не о том, что влиятельные социологи были скрытыми агентами зарубежной социологии. Однако, повествуя о ее достижениях, они, несомненно, предполагали принести пользу социалистическому обществу в случаях, которые могли быть похожи на те, что считали проблемой западные коллеги. Буржуазная социология, пишет Осипов, в XIX веке развивалась в общем русле философии, не имела практического применения, обходилась без рассуждений об обществе и социальном прогрессе. Этот сомнительный с точки зрения истории социологии заход служит ему для того, чтобы противопоставить социологии XIX века социологию века XX. В XX веке

перед социологией была поставлена задача разработки действенных средств поддержания и сохранения существующей системы капитализма. Теоретические

исследования дополнились эмпирическими <...>. Проводя эмпирические исследования и выясняя настроения трудящихся, западные социологи разрабатывают систему практических мероприятий, которые позволяют затушевать и приглушить противоречия капиталистического общества³⁶.

Это, продолжает автор, позволяет даже привести к временному «смягчению» (кавычки автора!) социальных противоречий³⁷. Социология помогает сохранять группы, невзирая на конфликты, поддерживать их сплоченность, подчинять господству «государственной власти монополий» и т.п. Наиболее примечательно между тем, что, когда Осипов переходит к общей характеристике структурного функционализма (на позициях которого стояли авторы книги), критический пафос у него практически пропадает. Он говорит о том, что функционалисты характеризуют общество как систему, что проблемы, которые они рассматривают, — действительно серьезные научные проблемы. Сухо и внятно он объясняет, что солидарность, альтруизм, легитимность (в то время ее еще называли «законностью») институтов не выводятся непосредственно из общей культуры. Если члены общества и его групп разделяют одни и те же ценности и нормы, отсюда отнюдь не следует их лояльность институтам, склонность к альтруизму и готовность избегать конфликтов. Стоит лишь немного продолжить эту мысль автора, чтобы понять, *что* он старается донести до читателя. Заменяем культуру на «идеологию» — и обнаружим, что не ставящаяся социологами (как и любым публикующимся в СССР автором) под сомнение приверженность советских людей коммунистической идее не гарантирует сама по себе мирных и лояльных отношений ни между собой, ни к государству. Это не данность, а проблема, о которой надо знать заранее и решать ее при помощи социологии.

Посмотрим на дело с другой стороны. Например, уже в программной статье сборника «Количественные методы в социологических исследованиях», сыгравшего большую роль в становлении исследовательских программ советской социологии, А.Г. Аганбегян и В.Н. Шубкин решительно связывали социологические исследования с народно-хозяйственным планированием и прогнозированием. Так, для планирования жилищного строительства в городах нужна информация и прогноз об изменениях состава семей на перспективу; для налаживания торговли нужны сведения о потребительском поведении и т.п. «Каковы потребности различных социальных групп в разных районах страны? Как, под влиянием каких факторов и в каких направлениях эти потребности меняются? Какова величина спроса на различные товары? Каковы тенденции?»³⁸ Конечно, продолжают авторы, тут мы ступаем на зыбкую почву субъективного, но лучше уж так, чем никак, ведь «социалистическое и коммунистическое производство — не самоцель. Оно должно быть подчинено человеку с его потребностями»³⁹. Другая проблема — это эффективное управление трудовыми ресурсами. Здесь тоже приходится вторгаться в область субъективного. А поскольку работать приходят люди с определенным образованием, приходится изучать не только трудовую мотивацию, но и ситуацию в образовании. «Поэтому нужно постоянно знать, кого

готовить, какой уровень образования требуется для работы по данной профессии на перспективу, в какой мере нужны знания, которые получили выпускники, для практической работы, насколько эффективна данная форма обучения»⁴⁰. Среди первостепенных задач авторы указывают еще движение населения, а также специально акцентируют планирование социальных изменений. «Объектом социального планирования являются общественные отношения. Поскольку человек есть продукт определенных общественных отношений, постольку социальное планирование включает в себя направленное изменение самого человека как через изменение его социальной среды, так и через воспитательную работу»⁴¹. Социология, по мысли авторов, нужна именно «сейчас, когда ставится задача создания огромной, охватывающей все отрасли и предприятия системы информации.»⁴². Несколько более сдержанно о задачах социологии пишет Г.В. Осипов:

...первая основная социальная функция марксистской социологии — конкретное исследование важнейших жизненных процессов и явлений; вторая — научно обоснованное воздействие на развитие общества; третья — разработка научных основ планирования социальных отношений; четвертая — всестороннее развитие человеческой личности⁴³.

Мы видим здесь важную, постоянно акцентируемую тему: целенаправленное воздействие на общество является ключевой задачей социологии, работающей для управленческих институтов, партийных и государственных. Мотивы действующих людей представляют собой для социологов зону неопределенности. «Самое богатое и сложное социальное образование, наименее понятное и наиболее трудно управляемое — индивид; самое простое, легко предсказуемое и легче управляемое — общество на социетальном уровне»⁴⁴. Несмотря на то общее, что производится через социальное положение, общую идеологию и прочее, унификации индивидов здесь нет и, по идее, не должно быть. В число декларируемых идеологических приоритетов советского общества входит всестороннее развитие личности. Но развитие означает более высокую индивидуализацию, а это, в свою очередь, означает неопределенность, причем не сущностную, как сказали бы тогдашние марксисты, а неопределенность на уровне конкретных ситуаций и конфигурации событий. Это является дополнительным аргументом в пользу массовых опросов⁴⁵.

Управленческий пафос социологов находит себе много приложений. Во всяком случае, они делают ставку не на простые решения, предполагающие примитивные формы контроля и репрессии. «Любое общество всегда — явно или скрыто, жестко или гибко — навязывает отдельным членам и группам свои ценности и нормы. Из этого не следует, что отдельный человек или группа всегда суть марионетки, и поэтому общество отвечает за их дела. Различие форм контроля весьма существенно»⁴⁶. При этом одной из важнейших областей исследования, контроля и планирования оказывается *время*. Свободное время — это те немногие часы, когда человек не занят ни на производстве, ни перемещениями из дома на работу и

обратно, не восстанавливает силы и т.п. Это время также должно быть сферой изучения, планирования, контроля, целенаправленного воздействия. Пожалуй, своеобразным апофеозом планирования является книга В.Н. Шубкина «Социологические опыты». Цель социального планирования, пишет Шубкин, — «решение конкретных социальных задач, достижение все большей социальной однородности, обеспечение социального равенства и свободы, ликвидация препятствий, которые еще мешают гармоническому развитию человека, сочетание интересов индивида с интересами коллектива, общества в целом»⁴⁷. В ретроспективе это суждение кажется набором идеологических штампов и — кто знает — специально, быть может, сконструировано автором для защиты от цензоров. Однако внимательное чтение позволяет видеть в нем специфическое для перелома от 60-х к 70-м понимание задач социологии. «Свобода» и «гармоническое развитие» — это еще наследие предыдущей эпохи. «Социальная однородность» — это лозунг текущего момента, одна из главных забот социологов 70—80-х годов. Она возникает благодаря социальной мобильности (перемещениям индивидов между местами жительства и работы, изменениям в положении детей по сравнению с положением родителей и т.п.) и в перспективе становится настолько большой, что при коммунизме не будет уже никаких классов и слоев⁴⁸. Но что остается неизменным, так это идея научного управления. Планирование и управление предполагают «конкретное познание общества»⁴⁹.

Таким образом, советская социология внятно определяет себя как дисциплину — при всех теоретических амбициях — конкретную, эмпирическую, прикладную. Она *полезна*. Польза ее состоит в том, что она отслеживает массовые процессы, проистекающие из многообразия волеизъявлений и действий, открывает, опираясь на статистику и опросы, «законы-тенденции» и создает ресурсы для преобразования того, что складывается «само собой», в целенаправленное развитие. При этом всем исследовательским предприятиям положены внятные пределы. Определения основным целям развития давало партийное руководство. Их можно было в известных рамках интерпретировать, но не ставить под сомнение. Кроме того, само политическое устройство страны принималось как данность. Оно не могло быть не то что поставлено под сомнение, но даже просто изучено как социальный факт. Деятельность отдельных институтов управления могла становиться объектом изучения⁵⁰ только для того, чтобы управление было более эффективным, и такого рода исследования могли проводиться в интересах и по заказу партийных инстанций. Но сам способ устройства СССР как однопартийного режима с очень сложным переплетением административной и идеологической составляющих, при несомненном ни для кого огромном значении тайной полиции не мог, разумеется, становиться предметом обсуждения. Большими усилиями и с утверждениями о несомненной пользе научного управления социологи смогли выгородить для себя области⁵¹, где сама допустимость научной, в том числе эмпирической, работы не ставилась под сомнение. Конечным ориентиром для нее (в 60-е — более внятными, в 70-е и далее становившимся все более пустой идеологической формулой) было *благо*⁵².

Советская социология, по крайней мере в некоторое время и в некоторой части, была не столько теоретической, сколько практической дисциплиной — наукой о регуляции поведения, трансформации мотивов и распределении стимулов для достижения общего блага в бюрократическом, социально-полицейском государстве. В этом смысле она и была полицейской наукой. Ее видение социального мира, ее конструкции, внутренние конфликты, успехи и неудачи, ее связь с историей «социального государства»⁵³ требуют специального, многостороннего и куда более тщательного изучения. На этом пути мы сделали пока что лишь самые первые шаги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) См.: Filippov A.F. A Final Look Back at Soviet Sociology // *International Sociology*. 1993. Vol. 8. № 3. P. 355—373.

2) См. подробнее: Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 89—120.

3) История советской социологии неплохо документирована и постоянно пополняется новыми исследованиями. См. прежде всего: *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: РХГИ, 1999; Фирсов Б.М. *История советской социологии: 1950—1980-е годы: Очерки*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2012.

4) Движение в сторону создания в стране социологии начинается, как свидетельствуют историки, через несколько лет после смерти Сталина, однако ключевые события происходят лишь в конце 1950-х годов: идеологические сановники отправляются на Запад для участия в социологических конгрессах, в Москве в 1958 году проходит Международное совещание социологов по вопросу о мирном сосуществовании. Тем не менее до институционализации советской социологии еще далеко.

5) О различии принципов управления в полицейском и правовом государстве см.: Luhmann N. *Zweckbegriff und Systemrationalität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. S. 88—106. Целевое программирование решений в полицейском государстве, говорит Луман, предполагает возможность политического (обусловленного целесообразностью) вмешательства на уровне отдельных решений, в то время как в правовом государстве программирование кондициональное: воздействие идет через изменение правовых процедур.

6) См. прежде всего лекции Мишеля Фуко, центральное место среди которых в нашем случае занимает курс «Безопасность, территория, население»: Foucault M. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France 1977—1978* / Ed. by M. Se-nellart. London etc.: Palgrave Macmillan, 2007. Существующий русский

перевод трудно рекомендовать ввиду существенных ошибок в передаче терминологии.

7) См., например: Neocleous M. *Fabrication of Social Order: A Critical Theory of Police Power*. London etc.: The Pluto Press, 2002; *Police and the Liberal State* / Ed. by M.D. Dubber, M. Valverde. Stanford: Stanford University Press, 2008.

8) Meier H. *Die altere deutsche Staats- und Verwaltungslehre*. Munchen: Beck, 2009. S. 325.

9) Justi J.H.G. von. *Grundsätze der Polizei-Wissenschaft in einem vernunftigen, auf den Endzweck der Polizei gegründeten, Zusammenhänge und zum Gebrauch akademischer Vorlesungen abgefasst*. Dritte Ausgabe. Gottingen, 1782. S. 9.

10) Ibid. S. 14.

11) Stolleis M. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland*. 1. Band. Munchen: Beck, 1988. S. 381.

12) См.: Foucault M. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France*. London etc.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 7—8.

13) А. Смолл еще сто лет назад указывал на узость такого понимания. См.: « Пусть это прозвучит парадоксально, но камерализм — теория и практика не экономики, но политики. <...> Камерализм <...> не поднимал никаких фундаментальных вопросов чистой экономики. Он был в первую очередь теорией и техникой правления. <...> Государство было главным. Камералисты были служителями государства» (Small A. *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity* [1909]. Kitchener, Ont.: Batoche Books, 2001. P. 19—20).

14) См.: Wakefield A. *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2009. P. 74. Практика камерализма, утверждает Уэйкфилд, совсем не походила на теорию. В теории был отрегулированный порядок. На практике — ложь, обман, охота за доходными позициями в преподавании и управлении.

15) См.: Small A. *Op. cit.* P. 82. Всего в программе Зеккендорфа было 12 пунктов, я свел вместе некоторые из них для удобства изложения.

16) Несколько попыток сохранить полицейскую науку как науку правового государства делалось в Германии в середине XIX века. В начале XX века там же ее попытались восстановить как науку о всеобщем администрировании. В России в середине XIX — начале XX века теоретики полицейского права рассматривали свою дисциплину в первую очередь как науку об управлении, основанном на результатах более частных дисциплин, в том числе социологии и экономики.

- 17) «Порядок и прогресс», «видеть, чтобы предвидеть» — формулы Огюста Конта.
- 18) См.: Thomson Cr. *The Police State: What You Want to Know about the Soviet Union*. New York: Dutton Publishers, 1950.
- 19) Даже и в это время, в общем, осознавалась необходимость в получении дополнительных сведений, дать которые могла, помимо статистики и полицейских донесений, эмпирическая социология. История такого рода исследований при тоталитарных режимах является в данном случае, однако, побочной темой.
- 20) См. более подробно: Фирсов Б.М. *Разномыслие в СССР. 1940—1960-е годы: История, теория и практики*. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2008. См. в особенности главу третью «От коллективного ослепления к индивидуальному прозрению». Возможно, одной из важнейших работ, зафиксировавших это изменение словаря мотивов, стала — правда, уже несколько позже — знаменитая книга И.С. Кона «Социология личности». В самом начале книги Кон аккуратно, но твердо объясняет, что положение о сущности человека как совокупности общественных отношений, высказанное Марксом в «Тезисах о Фейербахе», имеет смысл лишь применительно к «родовому понятию» человека, но не к каждому человеку в отдельности. Разумеется, действия человека определяются его социальным положением и его интересами, носящими объективный характер. Но мотивы — другое дело. «*Мотив* обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение. <...> Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными» (Кон И.С. *Социология личности*. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 27). Термин «ситуация» нам еще встретится ниже.
- 21) О подходе Мертона и его переосмыслении в советской марксистской социологии см.: Андреева Г.М. *Марксистская социология и ее задачи // О структуре марксистской социологической теории*. М.: Издательство Московского университета, 1970. С. 25—34; Ядов В.А. *Социологическое исследование: Методология, программа, методы*. М.: Наука, 1972. С. 12—13.
- 22) Константинов Ф.В. *Социологические исследования — исторический материализм в действии // Социальные исследования*. М.: Наука, 1965. С. 29.
- 23) Левада Ю.А. *Лекции по социологии // Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Советская социологическая ассоциация. Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Информационный бюллетень № 6 (21)*. М., 1969. С. 13.
- 24) Там же. С. 20.
- 25) Там же. С. 15.

26) Федосеев П.Н. Социологические исследования в СССР // Социальные исследования. М.: Наука, 1968. Вып. 2. С. 8—9.

27) «Лекции по социологии», как известно, обернулись для Левады многообразными репрессиями, в том числе увольнением из ИКСИ и многолетним запретом на публикации.

28) Осипов Г.В. Основные черты и особенности марксистской социологии // Социология в СССР. М.: Мысль, 1965. С. 46.

29) В это время также существовали и в высшей степени изощренные, усложняющие общую схему попытки соотнести факты и теории. Это в особенности хорошо удавалось специалистам по методологии исследований, акцентировавшим в большей мере то, как должно быть построено правильное исследование, нежели то, что оно, собственно, сможет получить в итоге. См. один из первых опытов такого рода: Андреева Г.М., Никитин Е.П. Метод объяснения в социологии // Социология в СССР. С. 124—144.

30) Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1976. С. 9, 11. Разумеется, далее речь идет и о специальных социологических теориях, и об эмпирических исследованиях. Однако следует обратить внимание и на то, что значительная часть текста посвящена изложению исторического материализма, в частности концепции общественно-экономической формации. Так шла борьба. Социологи испытывали давление истматчиков и переносили свои усилия на их поле, объявляя истмат социологической теорией и методологией. Это, в свою очередь, вынуждало их вбирать темы и постановки проблем в истмате в свои собственные конструкции.

31) Осипов Г., Козырев Ю, Колбановский В., Айвазян М. Задачи и методы конкретно- социологических исследований // Вопросы организации и методики конкретно- социологических исследований. М.: Росвузиздат, 1963. С. 17.

32) Там же. С. 18.

33) Там же. С. 19.

34) Там же. С. 20.

35) Социология сегодня: Проблемы и перспективы / Сокращ. пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. проф. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1965.

36) Осипов Г.В. Предисловие // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. С. 6.

37) Там же. С. 9.

- 38) Аганбегян А.Г., Шубкин В.Н. Социологические исследования и количественные методы // Количественные методы в социологических исследованиях / Под ред. А.Г. Аганбегяна. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1964. С. 13.
- 39) Там же. С. 14.
- 40) Там же. С. 16.
- 41) Там же. С. 19.
- 42) Там же. С. 22.
- 43) Осипов Г.В. Основные черты и особенности марксистской социологии. С. 52.
- 44) Левада Ю.А. Указ. соч. С. 55.
- 45) Значение исследований общественного мнения постоянно подчеркивается в 60-е годы. В 70-е тема перестает быть центральной, зондажи общественного мнения производят закрытые социологические службы.
- 46) Левада Ю.А. Указ. соч. С. 77.
- 47) Шубкин В.Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970. С. 40.
- 48) Ср. также: «управление процессом социальных перемещений, как и изменение социальной структуры вообще, представляет собой особую область управления обществом, со спецификой которой надо считаться. Если этими процессами не управлять со знанием дела, в том числе опираясь на конкретные исследования, в них могут получить преобладание стихийные моменты» (Руткевич М.Н, Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970. С. 249).
- 49) См.: Шубкин В.Н. Указ. соч. С. 43. Собственно, планирование и прогнозирование — это центральная тема всей книги, особенно ее первой главы.
- 50) См., например: Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М.: Мысль, 1973. См. особенно главы I и IX (о социальном планировании на предприятиях).
- 51) Последовательность их появления, значение тех или иных тенденций в западной социологии для их формирования, образование зон большей или меньшей свободы в отечественной социологии — все это представляет отдельный исследовательский интерес.
- 52) Известный слоган тех лет «Все во имя человека, все для блага человека» должен быть прочитан прежде всего философски.

53) Подобно тому, как история камерализма связана с историей западного социального государства.

Ключевые слова:

полицейское государство, полицирование, общественное благо, советская социология, семидесятые